

- Нам нужно принять решение, - сказал мистер Сильвер тяжелым голосом.

Солнце уже давно опустилось за горизонт, и кордон машин вокруг Шпиля начал привлекать к себе больше внимания, так как они блокировали обычный маршрут, которым пользовались люди. Для того, чтобы остановить большие толпы любопытных зевак от сбора, агенты использовали смесь мирского контроля толпы, чтобы отвлечь поток движения, наряду с тонкими полями очарования. Мисс Перл лично установила мощное искажающее поле, чтобы скрыть машины от случайного восприятия, что, по мнению мистера Сильвера, было невозможно без помощи артефактов. Но опять же, такого уровня мастерства следовало ожидать от человека, назначенного возглавлять группу сопровождения SD-P1.

Толпа была потенциальным источником опасности, потому что вражеские силы могли использовать ее как прикрытие для атаки, но искажение восприятия и поля очарования значительно облегчали обнаружение арканистов. Было обнаружено несколько человек, которые отреагировали с удивлением и развернули последовательности, чтобы защитить себя от влияния последовательностей агентов. Они выделялись, как больные пальцы, из ничего не подозревающих масс, когда эти люди создавали волнение в аркане, но было ясно, что это обычные граждане Айестана - другие обычные арканисты, а не гнусные шпионы из враждебных наций.

Теперь, когда толпа поредела, агентам пришлось обратиться к тому факту, что SD-P1 уже несколько часов находился внутри Шпиля. Судя по отчету мисс Перл, он не ел со вчерашнего дня.

Она поколебалась, но, в конце концов, произнесла:

- Мы должны ждать, пока он выйдет, а не идти за ним.

- Но что, если внутри что-то случилось? Я все еще нахожу невероятным, что никто не был назначен сопровождать его, и мы даже не установили связь, чтобы переговорить с ним в случае чрезвычайной ситуации.

- Если хотите, вы можем установить связь со штабом прямо сейчас, и вы можете подвергнуть сомнению наши приказы, - ледяным тоном сказала мисс Перл. Когда мистер Сильвер не ответил, она продолжила более мягким тоном: - Это те же самые вопросы, которые я подняла, когда мне дали задание, и мне было сказано в недвусмысленных выражениях не входить в Шпиль. В любом случае, даже если бы я могла это сделать, не думаю, что захотела бы.

Мистер Сильвер нахмурился.

- Что вы имеете в виду?

Мисс Перл скрестила руки на груди и повернулась лицом к Шпилю. Уличные фонари освещали только его нижнюю часть, в то время как остальная часть тянулась вверх, как тень

на фоне ночного неба.

- Там что-то есть, - пробормотала она, - и я не чувствую, что будет безопасно войти туда.

- Ранее вы упомянули о некоем аромате в аркане. Не могли бы вы уточнить?

Она покачала головой, но не в знак отказа, а с легким разочарованием, все еще глядя на Шпиль.

- Я была частью небольшой команды. Мы возвращались с задания и, пересекая границу, возвращаясь в Айестан, наткнулись на поле дикой арканы. Нас было пятеро, но только я осталась жива. Я почти ничего не помню. Но я помню аромат в аркане. Там, наверху, есть что-то похожее.

Это нисколько не успокоило мистера Сильвера.

- Но тогда это означает, что SD-P1 в опасности!

- Если это так, - мисс Перл повернулась к нему, снова став сталью и льдом, - тогда никто из нас не сможет помочь. Если вы настаиваете, мистер Сильвер, вы можете установить связь и подтвердить наши приказы с нашим начальством. Но пока они не прикажут, мы останемся здесь, пока он не выйдет к нам.

Мистер Сильвер на мгновение заколебался. Воздух вокруг мисс Перл заметно похолодел, даже несмотря на зимнюю прохладу ночи. Ее пассивная связь с окружающей арканой была настолько острой, что аркана была настроена на изменения в ее настроении. Но он взял себя в руки и решил, что нет ничего плохого в поиске ясности. Он коротко кивнул ей и повернулся, направляясь к своей машине, чтобы воспользоваться мобильным устройством телеприсутствия.

Глифы, вплетенные в пол, гудели.

Это было первое, на что Эмброуз, наконец, смог обратить внимание. Его левая щека была прижата к холодному черному мрамору, и он мог видеть маленькие золотые символы, которые паутиной тянулись по полу. Даже тогда он мог различить только тот, что был прямо рядом с его левым глазом – это не был глиф из Базового или Продвинутого наборов, но было в его понимании что-то, что он знал о нем.

Эмброуз понимал, как он звучит. Это было все равно что узнать чей-то голос, но не понять,

что он только что произнес.

И когда он сосредоточился на этом странном ощущении узнавания, то понял, что слышит и другие голоса. Все они что-то напевали. Он замечал их один за другим, ноту за нотой, пока, наконец, не понял, что слушает последовательности, выгравированные на полу. Это был целый оркестр, напевающий симфонию, которая заполнила зал, кружась в воздухе и держа массивный кристаллический додекаэдр в воздухе.

Он не знал, сколько пролежал так, слегка приоткрыв рот, и тонкая струйка слюны стекала по его щеке, собираясь в лужицу на полу. Все, что он мог разобрать, был звук. Весь остальной мир казался странным, а сенсорная информация, которую он получал от остального тела, не имела никакого значения. Его разум изо всех сил пытался понять смысл всего этого. Поэтому он позволил себе упиться красотой симфонии, надеясь, что это чувство узнавания и понимания распространится на весь остальной мир.

Следующим, что внезапно встало на место, были его чувства. Симфония вдруг оказалась не только в его сознании – он понял, что действительно может найти орган чувств, который воспринимает ее физически. Его уши! С этой точки отсчета он понял, что место его сознания находится в голове, а затем все остальные ощущения положения его тела вернулись.

Он тут же застонал от боли и дискомфорта. Эмброуз собрал свои окоченевшие конечности вместе, морщась, когда заставил свои холодные и сведенные судорогой мышцы двигаться. С некоторым трудом ему удалось принять сидячее положение, и он поморщился, вытирая полоску слюны с подбородка. Додекаэдр, казалось, слегка сдвинулся, и что-то шевельнулось в его молочно-белых глубинах. Эмброуз вздрогнул и инстинктивно отпрянул. Казалось, что хищник размером с гору только что повернул в его сторону один огромный глаз.

- Тюремщик, - негромко, с оттенком злорадства произнес Авгера.

- Ты мог бы быть помягче, - ответил Эмброуз, каким-то образом набравшись смелости, чтобы в его голосе прозвучал упрек.

- Да. Ты можешь двигаться, Тюремщик?

Эмброуз предположил, что он спрашивает, вернулся ли он в свое собственное тело. Он для пробы согнул пальцы и потянулся. Было некоторое головокружение, но, учитывая все обстоятельства, это была менее сильная реакция, чем он ожидал.

- Думаю, да, - сказал Эмброуз, решив немного поработать своими физическими мускулами, фактически говоря вслух. Его голос прозвучал немного хрипло, а в животе заурчало.

- Наше время будет ограничено твоими потребностями, как смертного, - заметил Авгера, теперь уже более деловым тоном. - Мы будем говорить до тех пор, пока ты не уйдешь.

- Ты имеешь в виду, что единственное ограничение по времени, которое у меня здесь есть, - это как долго я смогу обходиться без еды, воды и сна? - недоверчиво спросил Эмброуз. - Неужели ты ничего не можешь с этим поделать?

- Ты не понял, Тюремщик. Твои смертные потребности не являются препятствием - они являются маркером течения времени для нашего нынешнего взаимодействия. Другие факторы являются истинными ограничителями.

- Хорошо... каковы эти другие факторы?

- Слишком много, чтобы их можно было сосчитать, учитывая наше нынешнее распределение времени. Тюремщик, ты должен задать более срочные вопросы.

Эмброуз нахмурился.

- Почему ты не можешь просто сказать мне то, что мне нужно знать? Почему я должен задавать вопросы?

На этот раз додекаэдр действительно сдвинулся на целый дюйм. Это было похоже на то, как будто то, что было заперто внутри, ударилось о внутреннюю часть своей кристаллической тюрьмы, и все здание затряслось на месте, подвешенное в воздухе. Пульс арканы был настолько плотным, что Эмброуз даже отпрянул на несколько футов. Он испуганно откинулся на локти.

- ПОТОМУ ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН, - прорычал Авгера. Это не было даже отдаленно похоже на человеческий рев, или даже на тот, который издавали свирепые животные. Нет, это больше походило на яростный крик океана, разбивающегося о скалистые утесы, или на дикий вой вулкана, извергающего расплавленную смерть.

Хотя это было бесполезно, Эмброуз зажал уши руками. Голос Авгеры эхом отдавался в его голове, в его костях, в его аурной-окружающей-вспышке, и по всему залу симфония глифов растворилась в ужасной какофонии. Потребовалось некоторое время, чтобы последовательности снова обрели гармонию, но тюрьма держалась крепко.

- Потому что ты должен, - повторил Авгера, на этот раз более сдержанно и вежливо, хотя в его голосе все еще чувствовалась угроза, от которой по спине Эмброуза пробежали мурашки. - Избранный, но теперь ослабленный. Слепленный, но теперь ведомый рукой. Тюремщик по замыслу, обреченный жить в тюрьме вместе со своими подопечными, но теперь получивший ключ к собственной свободе.

- Ты говоришь о Кейдене, - умудрился выдохнуть Эмброуз, его голова все еще звенела, а аурная-окружающая-вспышка пульсировала.

- Свободный-зрячий-{~?~}, - промурлыкал Авгера в знак признания. - Он перешел тебе дорогу, и по этой случайности ты волен спрашивать, а я волен отвечать.

Здесь было так много всего, что Эмброуз не до конца понимал. Он поймал себя на том, что хочет, чтобы Кейден был здесь, чтобы он мог обмениваться информацией, хотя Кейден становился немного отстраненным всякий раз, когда что-то касалось Пророчества. Но он мысленно встряхнулся и вложил немного стали в собственный позвоночник. Он был буквально Избранным. Он мог это понять.

- Если бы не это, что бы здесь произошло?

Ответ пришел не сразу. Вместо этого Авгера закипел, и воздух стал ощутимо теплее.

- Ты рискуешь пойти по отмеченному пути, Избранный. Помни, знать - значит быть связанным. Это особенно верно для тебя, пешка Пророчества.

Эмброуз проглотил комок, образовавшийся в горле.

- Я это знаю. И я знаю, что ты хочешь быть свободным. Ты надеешься, что Кейден подтолкнет меня к твоему освобождению. Что ж, буду с тобой откровенен - я уже склонен ему помочь. Ты только что назвал меня пешкой Пророчества, но правда в том, что ты надеешься сделать из меня пешкой против того, что задумали Ткачи Судьбы. Разве не так?

- ... Да.

Это признание не рассердило Эмброуза. На самом деле, он почувствовал некоторое облегчение от того, что что-то вроде этого уладилось. Он сел немного прямее.

- Может быть, я и Избранный, но у меня нет права голоса. Я ценю тот факт, что Кейден внес немного хаоса в эту смесь и дал мне больше свободы. Но мне не нравится, что ты так стремишься отнять у меня этот путь и заставить меня делать то, что ты хочешь, ограничивая мои знания. Я понимаю, что ты боишься, что знание свяжет меня, но мне не очень нравится чувствовать, что я иду вслепую на поводу у чего-то. Так что давай договоримся. Давай поверим в это ослабление, о котором ты говорил. Я не хочу быть пешкой Пророчества, и я не хочу быть связанным знанием против моей воли, но я хочу знать как можно больше, чтобы, по крайней мере, понимать, что, черт возьми, происходит. И я хочу, чтобы ты сказал мне, даже если ты не думаешь, что это благоприятно приведет к тому, что ты хочешь.

- Смертный, - начал Авгера, и в воздухе закипел гнев, - ты знаешь, что знание связывает, и все же ты вложил бы свои руки в кандалы и...

- Тогда просто заставь меня делать то, что ты хочешь! Перестань говорить мне, что ты собираешься дать мне выбор, а потом пытаться предостеречь меня от этого выбора! - крикнул

Эмброуз.

Тишина наполнила воздух. Гнев Авгеры угас, и от внезапного отсутствия этого груза воздух показался странно пустым. Эмброуз вдруг почувствовал, что он один в совершенно заброшенной комнате, хотя додекаэдр все еще был там.

- ... алло? - осторожно позвал Эмброуз, поднимаясь на ноги.

Ответа не последовало. Он сделал несколько осторожных шагов к додекаэдру, но, когда ничего не произошло, он продолжал идти, пока не оказался прямо под ним, глядя в его непроницаемые молочные глубины.

Он ждал, казалось, целый час, но додекаэдр молчал, и единственным звуком, наполнявшим воздух, было жужжание глифов и их Симфония Заточения.

<http://tl.rulate.ru/book/53486/1408548>